

КРИТИКА.

Н. М. Гальковский, Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Томъ I. Харьковъ 1916. 8^о, IV+376 стр.

Свое изслѣдованіе авторъ начинаетъ съ очерка языческой религіи восточныхъ славянъ (гл. I). Слѣдующая глава трактуетъ о средствахъ и способахъ борьбы церкви и государства съ остатками язычества въ русскомъ народѣ. Далѣе г. Гальковский переходитъ къ изученію исторіи борьбы христианства съ идолопоклонствомъ (гл. III) и различными пережитками языческой религіи, каковы: свобода половыхъ отношеній (гл. V), культъ предковъ (гл. VI и VII), вѣдовство и колдовство (гл. VIII), суевѣрія (гл. IX), развлечения (гл. X). Нить изложенія прерывается главой IV, содержащей въ себѣ очеркъ борьбы язычества съ христианствомъ. Послѣдняя (XI) глава, посвященная перечнямъ грѣховъ, имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ предмету изслѣдованія.

Работа Н. М. Гальковского не лишена положительныхъ сторонъ, но страдаетъ методологическими промахами. Къ разбору этихъ промаховъ я прежде всего и обращаюсь.

1. Авторъ въ большинствѣ случаевъ разсматриваетъ языческіе обряды и вѣрованія русскихъ славянъ изолированно, внѣ связи съ аналогичными явленіями у другихъ народовъ. Оттого внутренній смыслъ многихъ обрядовъ остается для г. Гальковского невыясненнымъ. Такъ, напр., въ Ярилѣ, Костромѣ, Купалѣ онъ видитъ олицетвореніе солнца (§§ 15—16). Между тѣмъ, всестороннее изученіе многочисленныхъ относящихся сюда аналогій и параллелей показало бы автору, что въ основѣ этого ритуала лежитъ актъ убіенія растительнаго духа, воплощеннаго въ человѣческой фигурѣ

или куклѣ; это убіеніе должно совершиться, прежде чѣмъ духъ успѣетъ обезсилѣть, чтобы онъ могъ переселиться въ другую, юную и свѣжую оболочку (см. Н. С. Арсеньевъ, Плачь по умирающемъ богѣ, Этногр. Обзор. 1912, кн. 1—2; Frazer, *The Dying God*—*The Golden Bough*³, III, London 1914). Можно привести и другіе примѣры пренебрежительнаго отношенія къ сравнительно-историческому методу (§ 24: упыри, § 22: почитаніе земли и т. д.; срв. ниже).

2. Авторъ не всегда умѣетъ разлагать сложныя религіозно-историческія явленія на составныя части и не стремится обнаружить отдѣльные элементы въ кругѣ идей или обрядовъ. Такъ, всю праздничную обрядность русскаго просто-народья онъ сводитъ къ почитанію солнца и культу предковъ (§§ 29—32). На самомъ дѣлѣ, въ томъ, напримѣръ, комплексѣ обрядовъ, который мы обозначаемъ словомъ „коляда“, необходимо различать: а) приемы земледѣльческой магін (посыпаніе зерномъ, хожденіе съ плугомъ, прятаніе хозяина за пирогами и др.); б) остатки ритуальнаго вкушенія тѣла священнаго животнаго (свинина); в) обрядъ прошенія съ опредѣленнымъ цикломъ года (Маланка); г) очистительные обряды; д) отголоски стариннаго военнаго и охотничьяго быта; е) любовные и брачныя мотивы. То же самое нужно сказать о купальской обрядности и т. д.

3. Изслѣдованіе г. Гальковского нерѣдко оказывается не стоящимъ на высотѣ современнаго научнаго движенія. Онъ не владѣетъ сравнительно-лингвистическимъ аппаратомъ; ему извѣстна далеко не вся специальная литература по славяно-русской мѣологии. Послѣднее обстоятельство не только дѣлаетъ книгу отчасти устарѣвшею въ самый моментъ ея появленія, но и ведетъ къ невольному нарушенію пріоритета (см. ниже о статьѣ Н. И. Коробки). Постараюсь иллюстрировать все сказанное выше примѣрами.

Автору остались неизвѣстными слѣдующіе общіе труды: М. Грушевскій, *Кіевская Русь*, I, Пг. 1911, стр. 388—419; его же *Исторія України-Руси* I, 1904², стр. 279—300 и 528—532; С. В. Максимовъ, *Нечистая, невѣдомая и крестная сила*, Пг. 1903; А. Кирпичниковъ, *Что мы знаемъ достовернаго о личныхъ божествахъ славянъ*, Ж. М. Н. Пр. 1885, кн. 9, стр. 47—65; Н. Máchal, *Nákres slovanského bájesloví*, Praha 1891 (единственная ссылка на стр. 17, прим. 2, вѣ-

роятно, случайнаго происхожденія); A. Brückner, Wierzenia religijne i stosunki rodzinne (Encyclop. Polska IV, 2, 5, Kraków 1912, стр. 149—187). Въ частности же г. Гальковскому можно сдѣлать слѣдующіе упреки.

Стр. 3 слл. Автору неизвѣстна рѣчь проф. Д. В. Айналова: Лѣтопись о начальной порѣ русскаго искусства (Отчетъ Петрогр. Университета за 1903 годъ), трактующая объ идолахъ.

Стр. 5. Приводятся прежнія объясненія слова „капище“, но не указываются новыя этимологіи (см. Berneker, Slavisches etymolog. Wörterbuch I, 486).

Стр. 8—15. Вся новая литература о Траянѣ осталась неиспользованной. Автору неизвѣстны труды: А. И. Яцимирскаго, Тропа Трояня... „Древности“, Труды Слав. Комм. И. М. А. О. т. III, 1902, стр. 119—125; Н. В. Шлякова, Троянъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, Нов. Сборн. статей по славяновѣд., изд. уч. Ламанскаго, П. 1905, 289—296 (отожествляетъ Трояна съ дѣдомъ Игоря, Олегомъ Святославичемъ); *R. Abicht'a, Das südrussische Igorlied... Jahresber. d. Schles. Gesellsch. f. vaterländ. Cultur, Sektion f. neuere Philol., Bresl. 1906 (рец. Рѣзанова, Ж. М. Н. Пр. 1908, июнь, 438—455; Франка, Зап. Наук. Товар. ім. Шевченка 1907, т. 79)—по предположенію Abicht'a, Троянъ былъ поэтомъ времени Ярослава и Мстислава, прославившимся на вѣчевыхъ собраніяхъ; Н. П. Дашкевича, Славянорусскій Троянъ и римскій императоръ Траянъ, Serta Borysthenica, К. 1911, 217—248 (въ противоположность румынскому ученому Хыждеу и проф. Яцимирскому, Н. П. Дашкевичъ думаетъ, что славяне унаслѣдовали память о римскомъ императорѣ не отъ румынъ, а отъ болгаръ, если преданіе о немъ не было занесено на Русь еще ранѣе, около VI в., угличами, тиверцами и т. под. племенами, оттѣсненными кочевниками къ сѣверу (стр. 246—247). Конечно, не все въ литературѣ объ этомъ знаменитомъ памятникѣ древне-русской поэзіи заслуживаетъ вниманія изслѣдователя, и можно только порадоваться, что нашему автору остались неизвѣстными такіе труды, какъ работа А. В. Лонгинова, Слово о полку Игоревѣ—Зап. И. Одесск. Общ. Ист. и Древн. XXIX, 1911, 45—116, въ которой Лонгиновъ доказывалъ, что въ „тріединомъ миѳическомъ божествѣ Троянѣ“ слились „три солнечныхъ князя“: Пяславъ, Свято-

славъ и Всеволодъ Ярославичи, или книжка Г. М. Бараца: О библейскомъ элементѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ, К. 1912.

Нельзя безъ чувства нѣкотораго разочарованія читать параграфъ, посвященный Перуну, особенно тѣ строки, въ которыхъ говорится о происхожденіи имени этого божества: г. Гальковский приводитъ выписки изъ трудовъ Афанасьева (1865 г.), Крек'а и акад. Корша, но не пытается опредѣлить отношенія между русск. Перунъ и сходными балтійскими словами съ k (лит. Perkūnas, латш. pērkūns, др.-прусск. perūnis), а также др.-инд. Parjanya, греч. *κεραυνός*, др.-исл. Fjörgyn, готск. fairguni, лат. quercus, кельтск. Percynia (silva) и т. д. Автору совершенно неизвѣстно, что, напр., Hirt, Ind. Forsch. I, 479 сближаетъ лит. Perkūnas съ др.-инд. Parjanya, лат. quercus, др. в. нѣм. foraha и полагаетъ, что Перкунъ означало „богъ дуба“, но отвергаетъ родство слав. Перунъ съ лит. Перкунъ (такъ же Brugmann, Vgl. Gramm. I², 514; Uhlenbeck, Altind. Wörterb. 157 сл., Paul-Braune-Sievers' Beitr. XXX, 273 сл.). Напротивъ, Grienberger, Arch. f. slav. Phil. XVIII, 14 сл., сближаетъ Перуна съ Перкуномъ. Еще Grimm Kl. Schr. III, 414 сл. 425 сопоставилъ имя Перуна съ греч. *κεραυνός*. Къ нему присоединились Mikkola, Indg. Forsch. VIII, 303, Н. Карѣвъ, Филол. Зап. 1872, 4, 26 сл. и др.; но Lidén, Arm. Stud. 89, 1 высказывается противъ такого сближенія. По Н. Pedersen'у, Bezz. Beitr. XX, 1894, 231, слав. Перунъ заимствовано изъ иллир. яз., въ которомъ $rk > rh > r$; такимъ образомъ, онъ сближаетъ фонетически лит. perkūnas съ иллир. perendi. Такого же мнѣнія держался покойный акад. Коршъ (см. Н. М. Гальковский, 20, 1). Но противъ этого высказываются Mikkola, Idg. F. VIII, 303; Lidén, Arm. Stud. 90, 2; Much, Festschr. f. R. Heinzel 213; O. Wiedemann, B.V. XXVIII, 12 (Much считаетъ слав. Перунъ и лит. Перкунъ заимствованиями изъ германскихъ языковъ; противъ этого Wiedemann ib. 10). Повидимому, въ основѣ всѣхъ этихъ словъ лежатъ три варианта корня: per- (Перунъ, прунъ, напоръ), perg- (Parjanya), и perq (Perkūnas). Обо всемъ этомъ мы не находимъ ни слова у г. Гальковского. — Основной характеръ культа Перуна, его происхожденіе также остается у автора невыясненнымъ, потому что онъ не знакомъ съ изслѣдованіями І. Шванова, Культъ Перуна у южныхъ славянъ, Изв. 2 Отд.

VIII, 1903, 4, 140—174, Рожнецкаго (St. Rožniecki), Perun und Thor, Arch. f. slav. Phil. XXIII, 462—520 и друг.

§ 7. Обойдено молчаніемъ предположеніе проф. А. Л. Погодина, Сборн. въ честь А. И. Соболевскаго, 92 слл., согласно которому русск. Хорсь заимствовано изъ сарматск. khurs.

§ 8. Не упоминается о мѣнѣи А. Л. Погодина ib. 94, который думаетъ, что первая часть имени Дажьбогъ не можетъ заключать въ себѣ глагольную основу, такъ какъ въ слав. яз. встрѣчаются лишь такія сложенія съ глаголами, въ которыхъ имя существ. является объектомъ глагольной основы; первая часть этого имени, по А. Погодину, соответствуетъ готск. dags, лит. dagas, прусск. dagas, англо-сакс. dogor и т. д.

§ 9. Авторъ незнакомъ съ объясненіями имени Велесъ, предложенными А. Потебней (Сл. о п. Игор. 22: основа *vars-as, срв. санскр. vārsati, греч. =ἄρση), лат. verres, лит. vėrsz), R. Heinzel'емъ (Arch. f. slav. Philol. X, 601; S.-B. Wien. Akad. CXIX, 1889, 81—82; сопоставляетъ съ др.-сѣв. Volsi—Priapus), А. С. Погодинымъ, ib. 80 слл. (форма Велесъ заимствована у литовцевъ; форма Волосъ—истинно-русская, восходящая къ *Volsъ=V vol+суфф. съ). Не ставлю въ вину г. Гальковскому, что онъ не знаетъ ненаучныхъ трудовъ Г. М. Бараца: Библ. пар. къ лѣтоп. сказ. о Влад. Св., Кіевъ 1908, 24 слл.; Анализъ договоровъ 1910, 253 сл., возводящаго Волоса къ семитическому Ваалу—богу распутства, „блуда скотильнаго“. Но для вопроса объ отношеніи Волоса къ св. Власію г. Гальковскому пригодились бы изслѣдованія Крѣк'а, Arch. I, 150, акад. А. И. Соболевскаго, Р. Ф. В. XVI, 1886, 187, проф. Б. М. Ляпунова, Arch. IX, 315—316.

§ 10. Слѣдовало-бы упомянуть о гипотезѣ проф. А. Л. Погодина 95, который первую часть имени Стрибогъ сопоставляетъ съ др.-в.-нѣм. strit (н. Streit) и усматриваетъ въ Стрибогѣ бога брани, войны.

§ 11. Авторъ, повидимому, серьезно вѣрить, что въ надписи понтіской царицы Комосаріи упоминаются Симъ и Реглъ. На самомъ дѣлѣ въ текстѣ надписи (Latyschew II, n° 346=Dittb. Syll.² n° 133—Michel, Rec. n° 1136=Collitz und Bechtel III, 2, 1905, n° 5649) читаетъ: Κομοσαρήνη..... ἀνὴρθε ἰσχυροῦσι θεοῖσι Σπυρίγγει καὶ Ἀσάροι (Σπυρίγγης=Σάρδηζ—персидскій

и семитическій богъ, первоначально, вѣроятно, киликійское божество).

Въ томъ же параграфѣ г. Гальковскій пишетъ: „Наибольшаго вниманія заслуживаетъ мнѣніе Фаминцына относительно Ерьгла—Ерыла—Ярила“ (стр. 32). Конечно, это мнѣніе не заслуживаетъ никакого вниманія. Зато любопытна гипотеза А. Л. Погодина 88—92, согласно которой Симаргль попалъ въ число боговъ лишь по недоразумѣнію: это—греч. *σῆμα Πέγλου*, надгробная плита въ честь Корсунскаго князя, убитаго варягами.

§ 12. По мнѣнію Ягича, божества Мокоши не существовало вовсе (Arch. V, 7, 1); имя Мокошь образовано отъ *Мок*—(мокрь, мочить)—суфф.—ошь и есть переводъ греч. *μαλαξία*. По предположенію проф. Погодина 86, имя Мокошь—общеславянское заимствованіе изъ аракійскаго яз., въ которомъ имена съ *Мок*—въ первой части довольно распространены.

§ 13. П. Меліоранскій Изв. 2 Отд. VII. 1902. 2 признаетъ имя Дивъ турецкимъ; впрочемъ турецкое слово, въ свою очередь, заимствовано изъ иранской группы (Berneker I, 202).

§ 14. Непонятно, почему авторъ не приводитъ этимологіи имени Вила, предложенныхъ Афанасьевымъ (П. В. III, 153 сл.) и Потебней (Объясн. мал. и сродн. нар. пѣс. I, 85, 3; II, 400 сл.; О мнѣ. знач. пѣк. обр. 167—175). Автору осталась неизвѣстной работа Б. Ангелова: Самовилитѣ въ болгарската нар. поэзия (Изв. на семинара по слав. фил. при унив. въ София III, 1911, 1—66).

§§ 15—16. Авторъ совершенно не уяснилъ себѣ значенія образовъ Купалы, Ярилы, Кострубоньки и связанныхъ съ ними обрядовъ (см. выше).

§ 17. Авторъ не подозреваетъ, что объ Авсенѣ писали, кромѣ Потебни, еще А. Н. Веселовскій (Разыск. въ обл. дух. ст. VI—X, 107: отъ корня съ-ять), П. Владиміровъ (Введ. 78), Е. Анничковъ (Вес. обр. пѣсня I, 312—316), А. В. Марковъ (Этногр. Обзор. LXIII, 1905: Овсень < оу+синь—темнокрасный), И. М. Эндзелинъ (Wehl reiz par Ushlun-Rakstu Krājums, Rigas Latv. Beedribas Zinibu Komisijas XIV. Rīgā 1908, 134—138). Не ставлю въ вину автору, что отъ его вниманія ускользнула фантастическая этимологія В. Н. Добровольскаго, Изв. 2 Отд. XI, 1906, 4. 124 (санскр. *यवसा*).

Къ стр. 43, пр. 2: см. также Потебня, Р. Ф. В. VIII, 1882, 226 слл.; Verneker I, 682.

Для §§ 18—22, посвященныхъ анимистическимъ вѣрованіямъ древнихъ русскихъ (почитаніе камней, растеній, животныхъ), г. Гальковскому пригодились бы слѣдующіе труды: I. Мандельштамъ, Опытъ объясн. обыч. I. 1882; Sobotka, Rostlinstvo v národním podání slovanském 1879, особенно 5 слл., 54 слл.; А. Т. Илиевъ, Растительного царство на българитѣ (Сборн. за нар. умотв. VII, 1891, 412 слл., IX, 1893. 408 слл.); С. Смирновъ, Исповѣдь землѣ (Богосл. Вѣстн. 1912, n° 11, 501—538) и мног. друг.

§ 23. Отдѣлъ о русалкахъ относится къ числу наиболѣе слабыхъ и неудачныхъ. Начать съ этимологіи слова „русалка“. Изъ тѣхъ изслѣдователей, которые производятъ это названіе отъ средн.-греч. *ῥουβάλα*, авторъ упоминаетъ лишь о Веселовскомъ, Леже и Фасмерѣ, тогда какъ впервые эта этимологія была предложена Миклошичемъ и Томашкомъ. Принимаютъ ее Крекъ, М. Грушевскій, Романскій, Мурко и мн. др. (см. мое изслѣдованіе: Культъ фетишей, растеній и животныхъ въ др. Греціи, П. 1913, 154—155). Отъ вниманія автора ускользнули слѣдующія работы: Д. Зеленинъ, Къ вопросу о русалкахъ, Жив. Стар. XX, 1911, 357—424 (доказывается, между прочимъ, что русалки — души неестественною смертью); *Шапкаревъ, Русалки, древнѣ и твърди интересенъ българск. обичай etc. Пловдивъ 1884; *В. М. Суботичъ (Труды I сѣзда сербск. врачей и естествоиспытателей 1904, 690—755).

Стр. 61. Авторъ не даетъ объясненія слова „криница“. По М. Р. Фасмеру, Изв. 2 Отд. 1907, 2, 248; Гр. слав. этюды III, 100—101, *Розвадовскому, Rozpr. Akad. Umiejetn. XXVIII, 259, и др.—изъ греч. *κρίνη*, по Verneker'у I, 617 — индоевропейск. наслѣдіе (родств. лат. *scrinium*).

Къ стр. 63—64. Срв. А. Баловъ, Русск. Арх. 1911, 3, 46 слл.; Ел. Елеонская, Этногр. Обзор. 1912, 146 слл.; В. Клиггеръ, Животное въ античн. и совр. суев. К. 1911, 81 слл.

Къ стр. 66, срв. 72. Авторъ незнакомъ съ обширной литературой вопроса о древне-русск. навѣ, навѣе (см. мою рец. на книжку о. Соболева, Зап. Импер. Харьк. Унив. 1913).

Стр. 69 сл. Авторъ не выясняетъ ни происхожденія вѣры

въ упырей, распространенной по всей Европѣ, ни этимологии этого слова (см. St. Hock, Die Vampirsagen und ihre Verwertung in der deutsch. Liter. 1900 A. Epaulard Vampirisme, Paris 1901; *W. Fischer, Abergl. aller Zeiten etc. 1907. St. Wasylewski, W sprawie wampirysmu, Lud XIII, 1907, 291 слл.; A. Jellinek, Zur Vampirsage, Z. d. Ver. f. Volksk. 1904, 322); въ частности, что касается этимологии слова упырь=вампиръ, то одни, какъ Миклошичъ, Et. Wb. 375; Polivka, Z. f. österr. Vk. VII, 185; Národop. Sborn. Českoslov. VII, 209 слл., цит. по Z. V. V. 1904, 325, склонны считать это слово тюркскимъ другіе, какъ акад. А. И. Соболевскій Р. Ф. В. 1911, 418, не сомнѣваются въ его славянскомъ происхожденіи. По L. Laistnerу, Anz. dt. Alt. XIII, 1 (1887), 47, слово „упырь“ образовано отъ *V'spar*—упираться, впиваться.

§ 25. Срв. St. Schneider, *Bóg domowy*, Lud XVI, 1910, 153 слл.

§ 26; срв. § 64. 67—68. Осталась неиспользованною огромная литература о поминальныхъ пиршествахъ: М. Murko, *Das Grab als Tisch* (Wörter und Sachen II, 1910, рец. Е. Аничкова на эту работу въ Arch. t. sl. Phil. XXXIV, 1913. 578 слл.); L. Niederle, *Život starých Slovanů I*, Praha 1912, 224—375, труды Ѡ. Волкова, Sartori и т. д. (литература эта приведена въ моей рец. на книгу о. Соболева, см. выше).

§ 29. Авторъ высказывается противъ теории акад. Веселовскаго о заимствованіи праздника Коляды и вообще русской святочной обрядности изъ греко-римскаго міра. Слѣдовало бы упомянуть, что такіе протесты высказалъ уже Н. И. Коробка, Изв. 2 Отд. 1902, 3, 235—276.

§ 30. Картина масляничной обрядности страдаетъ неполнотою; опущены: малороссійская колодка (Н. Ф. Сумцовъ, К. П. n° 56), изгнаніе или сожженіе Масляницы (Вс. Миллеръ, Русск. Масл. и зап.-евр. Карнаваль, М. 1884) и др.

§ 31. „Значеніе слова радуница въ примѣненіи къ культу мертвыхъ—пишетъ Н. М. Гальковскій—для насъ недостаточно ясно, во всякомъ случаѣ это названіе доисторическаго(?) происхожденія“ (стр. 93—94). Это невѣрно. Какъ показалъ М. Murko, *Wört. und Sachen* 1910, 153, это—заимствованіе изъ визант. *ζωονία*; греч. основа приняла славянск. суфф.—„ица“, первое *a* возникло вслѣдствіе народной этимологии (радъ, радоваться) или, быть можетъ, подъ влияніемъ аѡанья.

Стр. 93. Обѣ обычаѣ „грѣть покойниковъ“ см. литературу, приведенную въ моихъ „Миѳологическихъ Очеркахъ“ Харьк. 1913, 113, 1.

Стр. 155. Фраза обѣ имени Артемиды (впрочемъ, не принадлежащая самому г. Гальковскому) заключаетъ въ себѣ совершенно невѣрную мысль. Имя этой богини производили и изъ египетскаго яз. (Hug), и изъ еврейскаго (Sickler, Schelling), и изъ персидск. (Creuzer, O. Frank, E. Curtius, Layard, Gosche), и изъ лелегск. (Tomaschek), и отъ греческихъ словъ: ἀρτεμῖς (Preller, Welcker, O. Müller), ἀερότεισις=ἀήρ+τέμνω (Pott), Ἄρχαμιν < Ἀρχαδία (Hannsen), ἄρχτος (Hartung), но въ настоящее время почти всѣ филологи принимаютъ этимологию (< ἀρταμῖω) Robert'a (Wilamowitz, Studniczka, Kretschmer, Ed. Meyer и друг.).

Стр. 181 слл. Авторъ не цитируетъ цѣннаго изслѣдованія проф. А. П. Сонни: Горе и доля въ народной сказкѣ (Кіевск. Унив. Изв. 1906, кн. X).

Стр. 207 слл. Не приводятся этимологін слѣдующихъ словъ: „волхвъ“ (см. Преображенскій, Словарь 94), „балій“ (Вернекер I, 42), „кудесникъ“ (Преображенскій 405—406), чары (Вернекер, I, 136—137) и друг. Къ отдѣлу о волшебствѣ см. литературу, приведенную въ моей книгѣ: Культъ фетишей и т. д. 80—91, особенно стр. 90, примѣч. 3..

Стр. 291. Изученію заговоровъ посвящены, помимо труда А. В. Ветухова, многія другія работы; таковы труды Н. Виноградова, А. П. Яцимирскаго, В. Мансикки и т. д.

Стр. 315. Названіе „скоморохъ“ достаточно не выяснено—замѣчаетъ г. Гальковскій. Но вѣдь есть болѣе или менѣе правдоподобныя этимологін, которыя заслуживали бы упоминанія скорѣе, чѣмъ тѣ фантастическія словопроизводства гг. Никифоровскаго, Великанова и т. д., которыя такъ любитъ авторъ (напр., стр. 86: коляда=санскр. „ку+ла+йла+да“).

Итакъ, недостаточность аналогій и параллелей, приводимыхъ авторомъ, неумѣніе разлагать комплексы обрядовъ на составныя части, незнакомство съ специальной литературой, особенно иностранной,—вотъ главные недостатки разсматриваемаго труда. Къ этому нужно прибавить нѣкоторую неразборчивость въ пользованіи пособиями и отсутствіе стройности въ планѣ (гл. IV прерываетъ нить; о Купалѣ говорится

въ §§ 15 и 32).—Мой отзывъ можетъ показаться читателямъ слишкомъ строгимъ. Но я прошу имѣть въ виду, что я разбираю, главнымъ образомъ, тѣ части труда, г. Гальковскаго, которыя посвящены языческой религіи восточныхъ славянъ, и совершенно не касаюсь другихъ отдѣловъ книги, такъ какъ они моему суду не подлежатъ. Болѣе компетентная критика, надо думать, оцѣнитъ добросовѣстный и кропотливый трудъ; я могу лишь замѣтить, что г. Гальковскій обладаетъ обширными богословскими и историко-литературными знаніями; что онъ довольно искусно воспользовался тѣмъ матеріаломъ, который былъ въ его распоряженіи, и что онъ далъ въ своей книгѣ полную и яркую хотя и не всегда строго-научную картину борьбы христіанства съ остатками язычества *).

Евг. Казаровъ.

*) II томъ труда Н. М. Гальковскаго, содержащій въ себѣ тексты древне-русскихъ поученій, направленныхъ противъ остатковъ язычества въ народѣ, появился въ Москвѣ въ 1913 г. (Зап. Импер. Моск. Археол. Инст., т. XVIII).